

УДК: 292

DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-5

Брук Е. Г.

**Античная мифология и светский моральный дискурс
во Франции XVIII века (по материалам графического искусства)**

Государственный музей истории религии, ул. Почтамтская, д. 14, Санкт-Петербург,
190000, Россия; *bruk97@list.ru*

Аннотация. В статье анализируется проблема рецепции античной мифологии в контексте становления светского морального дискурса во Франции XVIII века. Исследование проводится посредством комбинирования методов визуальных исследований и историко-философского анализа. На данный момент в русскоязычной литературе связь интеллектуальных процессов и изменений в визуальной сфере, происходивших в эпоху Просвещения, недостаточно изучена, поэтому целью статьи является частичное заполнение этого пробела. В XVIII веке во Франции складывается специфическая интеллектуальная ситуация, способствующая становлению светского морального дискурса как такового, а вместе с этим меняется и взгляд на античную мифологию. В течение долгого времени моральный дискурс был неразрывно связан с религией, а античные мифологические образы служили системой аллегорий для изображения добродетелей и пороков. В XVII-XVIII веках происходящие в интеллектуальной среде изменения способствуют раздвоению морального дискурса. С одной стороны, в комментариях ученых-клириков к текстам античных авторов на первый план выходит не символическое, а эвгемерическое толкование сюжетов сообразно общей «исторической» направленности мировосприятия того времени. При этом изобразительный ряд пытается сохранить остатки предшествующей традиции, где античная мифология служила обозначением добродетелей и пороков. С другой стороны, оставаясь в зарождающемся светском моральном дискурсе, где мораль отделена от религии, античная мифология меняет свое лицо. Это отражается и в графическом искусстве, прежде всего, в жанровых сценках – «истории нравов в картинках».

Ключевые слова: античная мифология; эпоха Просвещения; эвгемеризм; история нравов; светский моральный дискурс; графическое искусство

Для цитирования: Брук Е.Г. Античная мифология и светский моральный дискурс во Франции XVIII века (по материалам графического искусства) // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 4. С. 48-61. DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-5

E. G. Bruk

Ancient Greek and Roman mythology and the secular moral discourse in the eighteenth-century France (based on graphic arts)

State Museum of the History of Religion, 14 Pochtamtskaya St., Saint Petersburg, 190000, Russia; bruk97@list.ru

Abstract. The purpose of this article is to analyze the problem of the reception of Ancient Greek and Roman mythology in the context of the formation of secular moral discourse in Eighteenth-Century France. The study is carried out by combining the methods of visual studies, historical and philosophical analysis. In the 18th century, there was a specific intellectual situation in France which evoked the formation of secular moral discourse as such. In this context, the view of Ancient Greek and Roman mythology also changed. For a long time, moral discourse was associated with religion, and mythological images served as a system of allegories for depicting virtues and vices. In the 17th-18th centuries, the situation changed. On the one hand, in the comments of clerical scholars to the texts of ancient authors a euhemeristic interpretation of the plots came to the fore in accordance with the general “historical” orientation of the worldview of that time. At the same time, the graphic series tried to preserve the previous tradition where Classical mythology served as a designation of virtues and vices. On the other hand, getting into the context of secular moral discourse, where morality is separated from religion, Ancient Greek and Roman mythology also was gradually changing. This process was also objectified in graphic arts, especially in genre scenes – “history of morals in pictures”.

Key words: Ancient Greek and Roman mythology; Enlightenment; euhemerism; moral history; secular moral discourse; graphic arts

For citation: Bruk E. G. (2022), “Ancient Greek and Roman mythology and the secular moral discourse in the eighteenth-century France (based on graphic arts)”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 8 (4), 48-61, DOI: 10.18413/2408-932X-2022-8-4-0-5

Вплоть до начала XVIII века в европейской культуре моральный дискурс рассматривался, преимущественно, с точки зрения религии. Понятия «моральный человек», «религиозный человек», «христианин» были если и не полными синонимами, то близкими концептами. Античная мифология в сфере такого христианизированного морального дискурса служила системой аллегорий для сферы этического.

Французское Просвещение во многом способствовало возникновению нового взгляда на мораль: в конце XVII-XVIII вв. формируется светский моральный дискурс как таковой, а вместе с ним и новый взгляд

на античную мифологию, которая становится не только инструментом дидактики, но и «предпосылкой понятности всего мира культуры» (Старобинский, 2002: 86). Во Франции этому способствует целый ряд факторов. Новый взгляд на религию вообще и на ее отношение к морали формируется в ситуации непрекращающихся религиозных и политических конфликтов и дискуссий: Тридцатилетняя война, Фронда, борьба с янсенизмом, отмена Нантского эдикта и другие события XVII-XVIII столетий становятся катализаторами развития нового взгляда на религию и ее роль в обществе.

Формирование светского морального дискурса неразрывно связано с новым типом публичности, воплощением которой становятся салоны. Здесь ведутся дискуссии, преимущественно о религии, литературе и искусстве, реже – о политике (Хабермас, 2017: 124), формируется заинтересованная публика, в которую входят и аристократы, и «интеллигенция», и буржуа (Хабермас, 2017: 86). Статус салонных дискуссий становится настолько велик, что редкий автор избегает обсуждений своей работы в салоне, поскольку последний «как бы владел монополией на первое опубликование» (Хабермас, 2017: 86). В этой связи постепенно происходит расщепление публики на две большие группы: с одной стороны, придворная аристократия, поддерживающая деятелей культуры из соображения собственного престижа, и ученые клирики, прежде всего иезуиты; с другой – смешанная салонная публика. Именно это разделение становится основанием для дробления морального дискурса в целом и взглядов на античную мифологию в частности.

Переводы и комментарии произведений античных авторов, сделанные учеными-иезуитами, принадлежавшими к первому типу, были, в основном, ориентированы на высшие круги общества. Их популярность несколько не умалялась попытками сохранить античную мифологию как одну из составляющих системы христианского мировосприятия. Смена акцентов если и происходила, то целиком и полностью подчинялась религиозным установкам, продолжая существовавшую до эпохи Просвещения традицию.

Так в XVII веке наиболее популярной была моральная трактовка античных образов, генетически восходящая к многовековой практике адаптации мифологических сюжетов для нужд церкви. Одним из ярких примеров такого подхода можно считать переводы и комментарии М. де Мароля, кото-

рый хотя и пытается достигнуть «читаемости» (*lisibilité*) текста широким кругом людей (Caigny, 2019), все же не выходит за рамки «знатной» целевой аудитории, что видно, например, из его посвянительной речи в издании «Картины храма муз» (*Tableaux du Temple des Muses*, 1655), адресованной королеве Польши и Швеции Марии Луизе де Гонзага. Его комментарии к мифологическим сюжетам этого издания, сохраняя присущую начитанному человеку энциклопедичность, служат лишь одной цели – наглядно показать человеческие добродетели и пороки. Каждый сюжет сопровождается гравюрой, сделанной по рисунку А. ван Дипенбека, которая детально расшифровывается комментатором сообразно поставленной им цели.

В XVIII веке те же иллюстрации, но с небольшими изменениями, попадают в издание «Храм муз» (*Le Temple des Muses*, 1733) уже не с дидактико-аллегорическими, а эвгемерическими комментариями. Восполнение утраченного морального подтекста частично производится посредством прибавления орнаментальной рамки с хорошо читающимися смысловыми составляющими. Например, сюжет о падении Икара рассматривается теперь в тексте не как аллегория падения гордеца, а с точки зрения возможных реальных событий, которые могли послужить основой для мифологического сюжета. При этом добавленная к основному изображению орнаментальная рамка (рис. 1) изобилует различными символами, так или иначе соотносящимися с сюжетом: четыре ветра – стихия, причина постоянного движения, солнце – сфера божественного, павлин – гордость. То есть, в данном случае иллюстративный ряд частично берет на себя функцию сохранения морально-эмблематической трактовки, в то время как текст пытается найти наиболее приемлемые для того времени способы объяснения мифологических сюжетов.

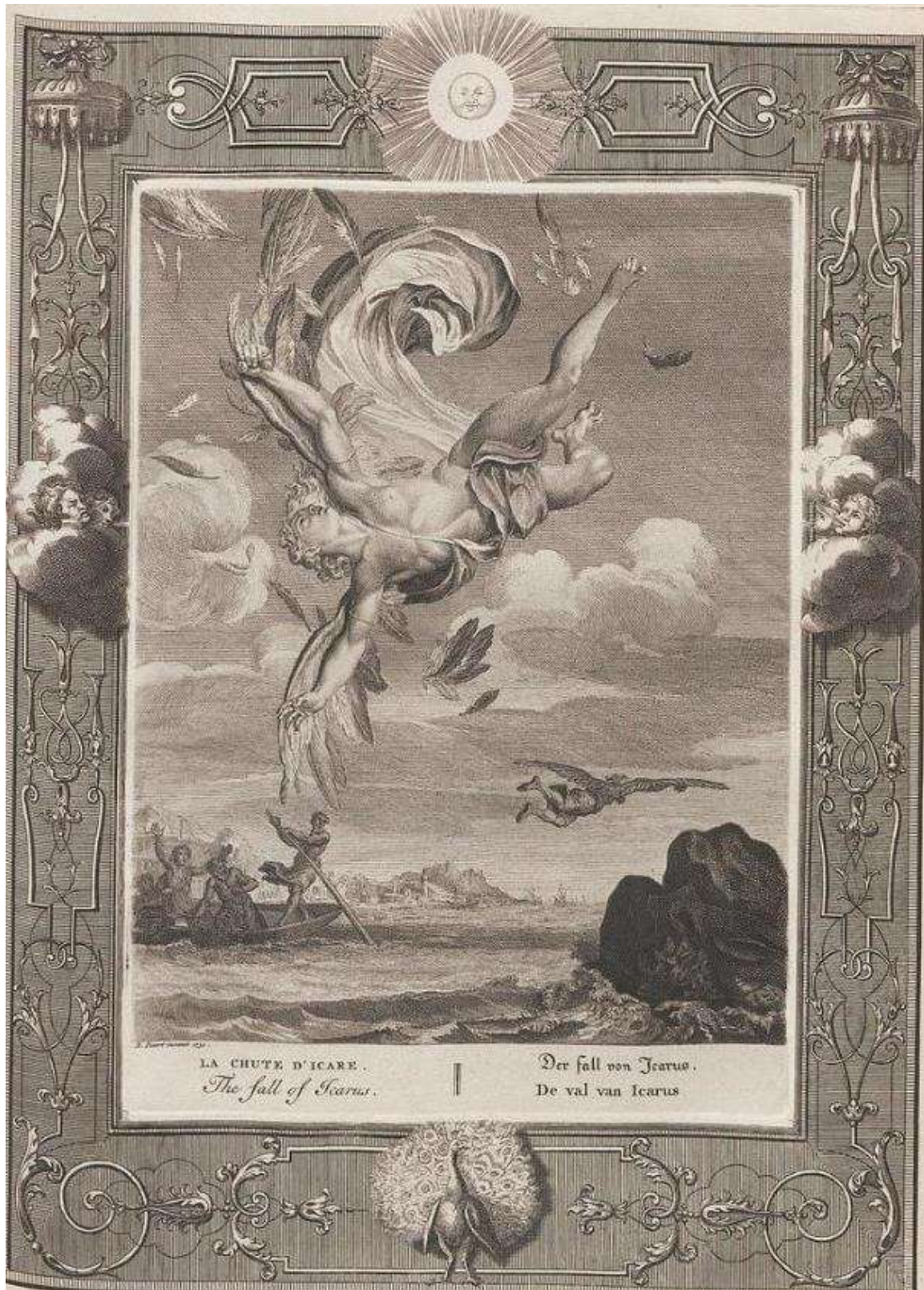

Рис. 1. Б. Пикар. Падение Икара. По мотивам А. ван Дипенбека.

Иллюстрация из сборника «Храм Муз», Амстердам, 1733 г.

Fig. 1. Bernard Picart inspired by Abraham van Diepenbeek. "The Fall of Icarus" from "The Temple of Muses", Amsterdam, 1733

Такой поиск нового объяснения, отвечающего времени, внутри старой системы характерен для «клерикально-аристократической» части публики, поскольку, с одной стороны, постепенно вырабатывается «новый тип самосознания, который можно назвать “историческим” в полном смысле слова» (Тейлор, 2017: 281), и ему надо соответствовать, с другой стороны – инструментов, с помощью которых можно удерживать античную мифологическую систему в рамках христианства, не так уж много. Этим объясняется такая популярность эвгемерических комментариев в изданиях XVIII века. Наиболее известным и популярным французским автором, трактовавшим античную мифологию с такой точки зрения, был аббат А. Банье, без комментариев которого не обходилось ни одно французское издание «Метаморфоз» Овидия того времени.

Светский моральный дискурс, напротив, пытается решить проблему существования морали вне религии, опираясь на труды философов того времени. Еще в конце XVII века П. Бейль говорит о возможной нравственности вне религии, аргументируя это тем, что и внутри последней существует разительная разница между тем, что человек делает и общими правилами, ему навязанными (Бейль, 1968: 212), а значит, мораль и религия – две независимые друг от друга сферы. В XVIII веке многие философы затрагивают проблему соотношения морали и религии, высказывая различные точки зрения. Например, для Ф.-М. А. Вольтера «в морали гораздо больший смысл имеет признавать бога, нежели не допускать его существования» (Вольтер, 1988: 622). Философ призывает не впадать в крайности фанатизма и неверия, подчеркивая, однако, что последнее с точки зрения морали является предпочтительнее первого. Но магистральным в то время становится мнение о том, что гарантом нравственности становится естественная природа человека. Так, апологию морали вне религии можно найти в «Системе природы»

П.А. Гольбаха, который доказывает добродетельность неверующего, поскольку он является человеком, «знающим» природу (Гольбах, 1963: 625). Его нравственность осознана и покоится на понимании своей природы и природы ближних, из чего вытекает осознание обязанностей по отношению к себе и другим (Гольбах, 1963: 626). Идея сближения нравственности и естественности, представленная в трудах Ж.-Ж. Руссо (Руссо, 1981), П.С. Марешаля (Марешаль, 1958) и других авторов XVIII века, становится определяющей для процессов становления светского морального дискурса.

Система античных мифологических образов, попадая в сферу светского морального дискурса, претерпевает определенные изменения, которые ярко просматриваются на примере жанровых сценок, «истории нравов в картинках» - особом явлении французской культуры XVIII века, которое является своего рода зеркалом интеллектуальных процессов. Мифологические сюжеты на таких гравюрах максимально унифицируются, упрощаются и уходят на второй план, становясь «комментарием» основного действия. Чаще всего гравюры этого жанра представляют собой серию изображений, повествующих о распорядке дня и жизни дамы или кавалера и их любовных похождениях. Важной частью подобных серий является комментарий автора, который оценивает поступки героев с моральной точки зрения. В. Гаузенштейн очень точно перечисляет возможные сюжеты этого жанра (текст дан с учетом современной орфографии – Е.Б.): «Как определенная книга получала определенные иллюстрации, так и неписаная типика судебных влюбленных находила своих иллюстраторов: общая эротика 1750 г. была текстом к иллюстративному паспорту. Здесь всегда дело шло об одном и том же: *le lever, le midi, le coucher, le soir, le minuit, l'amant curieux, le carquois épuisé, les amusements dangereux, l'innocence en danger, le billet-doux* и т. п.: о всевозможных профилях феодального дендизма эпохи» (Гаузенштейн, 1914: 52-53).

Здесь следует подчеркнуть особо, что несмотря на наличие сопроводительного текста, изображение, созданное в этом жанре, является первичным, а комментарий – вторичным.

Формирование «истории нравов в картинках» можно считать наследием Ф. Буше. Его зять П.-А. Бодуэн является одной из важнейших и влиятельнейших фигур среди художников, сыгравших ключевую роль в становлении этого жанра (Гаузенштейн, 1914: 54). На тему распорядка дня у П.-А. Бодуэна есть серия, состоящая из четырех гуашей, по которым в 1765 году были сделаны гравюры на меди: «Утро», «Полдень», «Вечер» и «Ночь». Медальоны с изображениями двух Амуров сопровождают «Утро» и «Вечер», где молодой человек подглядывает за дамой, а на гравюре «Ночь» над счастливыми любовниками возвышается статуя грозящего Амура. Подобные «античные» комментарии получают свое наивысшее развитие в творчестве младших современников П.-А. Бодуэна.

Наиболее известными гравюрами на эту тему являются изображения, вошедшие в книгу «Памятное свидетельство об укладе жизни, материальном и нравственном, в конце XVIII века, или Картины жизни, представленные в изображениях, нарисованных и награвированных М. Моро-Младшим, рисовальщиком Его христианнейшего Величества, и другими прославленными художниками» (*Monument du costume physique et moral de la fin du dix-huitième siècle*, 1789). Данное издание представляет собой публикацию гравюр из трех сюит эстампов, две из которых сделаны по рисункам Ж.-М. Моро-Младшего, а одна – по З. Фрейденбергеру (Colette, 1983: 389). Иллюстративный ряд сборника 1789 года содержит двадцать четыре гравюры Ж.-М. Моро-Младшего и два листа, предположительно принадлежащие З. Фрейденбергеру (Heller-Greenman, 2002: 67).

Общая идея создания «эталонного портрета обычаев и нравов своего времени» принадлежала заказчику Ж.-А. Эберу (*Monument du costume. Картины из жизни*

конца XVIII столетия, 2020: 28), который заказал З. Фрейденбергеру первую серию гравюр под названием «Сюита эстампов, служащая для [иллюстрации] истории нравов и уклада жизни» (*Suite d'estampes, pour servir à l'histoire des mœurs et du costume*) (*Suite d'estampes*, 1775). Каждая гравюра «Первой сюиты», как ее теперь принято называть в исследовательской литературе, сопровождалась небольшим стихотворением на изображенный сюжет и объяснением происходящего с нравственной точки зрения. В качестве инвентора в подписях к изображениям упоминается Ж.-А. Эбер, автором рисунков является З. Фрейденбергер. В предисловии к Первой сюите Ж.-А. Эбер подробно рассказывает о замысле всего издания. С одной стороны, сюиты стремятся показать моду в отношении одежды, мебели того времени, с другой – служат анналами нравов, причем не нравов всего французского общества в целом, но обычаев определенного круга светских лиц: «Здесь мы должны засвидетельствовать наши сожаления по поводу необходимости выбирать сюжеты среди тех людей, по которым нельзя судить об общих нравах народа. Франция, и сам Париж, полны людей добродетельных и семей честных, среди которых мы тщетно пытались извлечь сюжеты, подходящие для нашей цели» (*Suite d'estampes*, 1775: 2). Гравюры каждой из трех сюит посвящены определенной теме: в первой повествуется о жизни и ключевых моментах дня молодой дамы, вторая посвящена теме материнства, третья повествует о жизни модного кавалера.

Если «Первая сюита» была сделана по рисункам З. Фрейденбергера, то «Вторая» («*Seconde suite d'estampes, pour servir à l'histoire des modes et du costume*», 1776) (*Seconde suite d'estampes*, 1776) и «Третья» («*Troisième suite d'estampes, pour servir à l'histoire des modes et du costume*», 1783) сюиты выгравированы по рисункам Ж.-М. Моро-Младшего. В серии 1776 года первоначально, также, как и в первой сюите З. Фрейденбергера, изображения были про-

комментированы краткими стихотворениями, однако в ее «официальной» версии они не были напечатаны. Их отсутствие кардинально не поменяло замысла Ж.-М. Моро-Младшего, поскольку серия имела близкий к первоначальному смыслу прозаический комментарий-разъяснение (Heller-Greenman, 2002: 69). Третья сюита, предположительно, не имела комментария до издания 1789 года, прокомментированного Н. Ретифом де ла Бретонном (Colette, 1983: 390). Последний объединил две последние серии Ж.-М. Моро-Младшего, прибавив к ним еще два листа, и написал на каждый сюжет небольшой рассказ, который скорее отталкивается от изображения, чем его трактует. Рассказы о модных гостиных сменяются в сборнике 1789 года изображением «Подлинного счастья» в деревенском домике, что отсылает читателя к популярному в то время представлению об «естественном человеке». Отсылки к философии и теории воспитания Ж.-Ж. Руссо существуют в текстах и изображениях в явном и завуалированном виде как в комментариях к сюитам, так и в рассказах Н. Ретифа де ла Бретонна.

Согласуясь с требованиями жанра, художник (и З. Фрейденбергер, и Ж.-М. Моро-Младший) помещает в интерьер несколько деталей, чаще всего несложных с точки зрения интерпретации аллегорических античных мотивов, которые комментируют основной сюжет бытовой сценки с моральным подтекстом. Например, на гравюре «Занятие» (рис. 2), события, предвещающие долгую обременительную связь, комментируются миниатюрной модной статуэткой грозящего Амура. В раме почти по центру композиции изображен портрет женщины, которой крылатый Купидон шепчет что-то на ухо. Это действие прекрасно согласуется с тем, что именно дама в данном случае являлась инициатором любовной связи. Тот же комментарий в виде грозящего бога любви появляется в «Да или

нет» Ж.-М. Моро-Младшего (рис. 3). И поскольку изображение принадлежит к той группе гравюр, которая, возможно, не имела никакого комментария до выхода сборника 1789 года, то здесь наиболее показательным становится текст Н. Ретифа де ла Бретонна. Автор комментирует изображение следующим образом: действие происходит «около статуи Амура, который своим жестом проповедовал молчание и скромность...» (Картинки из жизни XVIII века, 1913: 65). Однако, здесь следует учесть, что Н. Ретиф де ла Бретонн сам является комментатором и его восприятие визуального комментария – это восприятие *a posteriori*.

Подавляющее большинство визуальных комментариев появляется на изображении либо в виде скульптуры, что было показано выше, либо в виде медальона на стене. Примером последнего может служить гравюра «Изысканный ужин» (рис. 4), сюжет которой комментируется медальоном с Амурами, играющими с театральной маской, что, в свою очередь, согласуется с описанием изменчивости чувств в тексте Н. Ретифа де ла Бретонна и с заключительным пассажем о мимолетности любви и вечности дружбы. На столе стоит модная статуэтка трех граций, спутниц Венеры, поддерживающих ананас, что также намекает на тему беседы четырех друзей. Однако, есть и другое объяснение этой миниатюрной скульптурной группе, поддерживающей ананас: «“Число гостей должно быть не меньше числа граций и не больше числа муз” (то есть девяти), – эти слова древнеримского писателя Марка Теренция Варрона были хорошо известны в XVIII веке и воплощались в жизнь. Во второй половине столетия вместо пышных пиров со множеством приглашенных вошли в моду интимные ужины для узкого круга избранных лиц», – пишет В.М. Успенский (Monument du costume. Картины из жизни конца XVIII столетия, 2020: 186).

Рис. 2. Ш. Л. Линжи. По рисунку З. Фрейденбергера. Занятие. 1775 г.
Fig. 2. Charles Louis Lingée inspired by Sigmund Freudenberger. "The Occupation", 1775

Рис. 3. Н. Тома. По рисунку Ж.-М. Моро-Младшего. Да или нет. 1781 г.
Fig. 3. N. Thomas inspired by Jean-Michel Moreau the Younger. "Yes or No", 1781

Рис. 4. Э. И. Станислас. По рисунку Ж.-М. Моро-Младшего. Изысканный ужин. 1781 г.
Fig. 4. Isidor Stanislas inspired by Jean-Michel Moreau the Younger. "Elegant Dinner", 1781

Рис. 5. Э. И. Станислас. По рисунку Ж.-М. Моро-Младшего. Радости материнства. 1777 г.
Fig. 5. Isidor Stanislas inspired by Jean-Michel Moreau the Younger.
“Delights of Motherhood”, 1777

Гравюра «Радости материнства» (рис. 5) интересна как с точки зрения комментария, так и с точки зрения самого изображения. В тексте Второй сюиты комментариев к изображению фактически является парафразом одного из мест романа Ж.-Ж. Руссо «Эмиль, или о воспитании» (Руссо, 1981: 35-37), где говорится о том, что мода (в том числе и мода на кормилиц) не должна вмешиваться в естественные материнские обязанности женщины, которые нисколько не являются постыдными, но напротив, становятся основой для прочной внутренней связи матери и ребенка, источником материнских радостей. Обыгрывается в тексте и место происхождения: природа приветствует молодую героиню Сефизу, не отказавшуюся от дарованного ей тихого счастья в угоду блеску ложных удовольствий светских гостиных. Происходящее визуально комментируется статуей Венеры, наказывающей Амура. Именно описанием этой скульптуры и начинается текст Н. Ретифа де ла Бретонна (цитируется с учетом современной орфографии. – Е. Б.): «Среди прекрасного сада, где Флора и Помона щедро делились своими богатствами, была статуя Венеры, секущей Амура розами...» (Картинки из жизни XVIII века, 1913: 31). После такого вступления начинается диалог героев о супружестве и материнстве как естественном предназначении. Нравственность снова сводится к естественности, к человеческой природе.

Таким образом, происходящие в XVII-XVIII веках социальные процессы, зарождение исторического сознания способствуют обострению вопроса о возможности существования морали вне религии. С опорой на философские труды того времени появляется светский моральный дискурс, внутри которого нравственность определяется не через принадлежность к религии, а через концепт «естественного состояния», «природы человека». Отражением интеллектуальных процессов становится графическое искусство, а именно – книжная графика, в силу своей изначальной связи с текстом. Появляется жанр «истории

нравов в картинках». Трансформации, происходящие в интеллектуальной среде, способствуют изменению взгляда эпохи на античную образную систему. В комментариях ученых-иезуитов акцент смещается с моральной христианской трактовки сюжетов в сторону эвгемерической, все также не покидающей конфессиональных рамок. В светском моральном дискурсе, разделившем мораль и религию, античная мифология присутствует как упрощенный и понятный всем оценочно нейтральный комментарий, что полностью отражается в жанре «истории нравов в картинках».

Литература

- Бейль, П. Исторический и критический словарь в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1968. 510 с.
- Вольтер, Ф.М. Философский словарь // Вольтер. Философские сочинения. М.: Наука, 1988. С. 620-716.
- Гаузенштейн, В. Искусство рококо: Французские и немецкие иллюстраторы восемнадцатого столетия. М.: Современные проблемы, 1914. 128 с.
- Гольбах, П.А. Система природы, или О законах мира физического и мира духовного // Гольбах П.А. Избранные произведения в двух томах. Т. 1. М.: Соцэкгиз, 1963. С. 53-686.
- Картинки из жизни XVIII века. Рассказы Ретиф де-ла Бретонна, гравюры Моро-младшего. М.: Издание Московского Товарищества, 1913. 78 с.
- Марешаль, С. Словарь древних и новых атеистов // Марешаль С. Избранные атеистические произведения. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. С. 193-261.
- Monument du costume. Картины из жизни конца XVIII столетия / Сост. В. Успенский. М.: Арт Волхонка, 2020. 304 с.
- Руссо, Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения. В 2-х т. Т. 1. М.: Педагогика, 1981. С. 19-592.
- Старобинский, Ж. «Мифы» и «мифология» в XVII–XVIII веках // Старобинский Ж. Поэзия и знание: История литературы и культуры. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 85-109.
- Тейлор, Ч. Секулярный век. М.: ББИ, 2017. XIV+967 с.

Хабермас, Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Издательство «Весь мир», 2017. 344 с.

Caigny, F. Les Remarques de Marolles dans ses traductions en prose de l'Énéide : un regard de Moderne sur une œuvre antique ? // Exercices de rhétorique, 2019 [Online] URL: <http://journals.openedition.org/rhetorique/884> (дата обращения: 03.08.2022).

Colette, B. «Le monument du costume» de Rétif de la Bretonne // *Dix-huitième Siècle*. 1983. № 15. P. 389-306.

Heller-Greenman, B. Moreau le Jeune and the Monument du Costume // *Athanos XX*. Florida. 2002. P. 67-75.

Monument du costume physique et moral de la fin du dix-huitième siècle, ou Tableaux de la Vie, Orné de figures dessinées et gravées par M. Moreau le jeune, dessinateur du Cabinet de S. M. T. C. et par d'autres célèbres Artistes, Paris. 1789.

Le Temple des Muses, orné de LX, où sont représentés les événemens les plus remarquables de l'antiquité fabuleuse; Dessinés & gravés par B. Picart le Romain, & autres habiles Maitres; et accompagnés d'explications et de remarques, Qui découvrent le vrai sens des Fables, & le fondement qu'elles ont dans l'Histoire. Amsterdam. 1733. 156 p.

Seconde suite d'estampes, pour servir à l'histoire des modes et du costume. Paris. 1776. 24 p.

Suite d'estampes, pour servir à l'histoire des mœurs et du costume. Paris. 1775.

Tableaux du Temple des Muses: Tirez du Cabinet de Feu Mr. Favereau, Conseiller du Roy en Sa Cour de Aydes, Et Gravez en Tailles-Douces par les Meilleurs Maistres de Son Temps, pour Représenter les Vertus Et les Vices, sur les Plus Illustres Fables de l'Antiquité. Paris: Antoine de Sommaville. 1655. 477 p.

References

Bayle, P. (1968), *Istoricheskiy i kriticheskiy slovar' v dvukh tomakh* [Historical and Critical Dictionary in two volumes], vol. 2, Transl. by Boguslavskiy, V.M. and Shern-Borisova, I.S., Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Caigny, F. (2019), “The Remarks of Marolles in his prose translations of the Aeneid: a modern look at an ancient work?”, *Exercices de*

rhétorique, [Online] available at: <http://journals.openedition.org/rhetorique/884> (Accessed 03 August 2022) (in French).

Colette, B. (1983), “‘The Costume Monument’ by Rétif de la Bretonne”, *Dix-huitième Siècle*, 15, 389-306 (in French).

Habermas, Ju. (2017), *Strukturnoe izmenenie publichnoy sfery: Issledovaniya otnositel'no kategorii burzhuznogo obshchestva* [The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society], Transl. by Ivanov, V.V., “Ves' mir”, Moscow, Russia (in Russ.).

Hausenstein, W. (1914), *Iskusstvo rokoko: Frantsuzskie i nemetskie illyustratory vosemndatsatogo stoletiya* [The Art of Rococo: French and German Illustrators of the Eighteenth Century], *Sovremennye Problemy Publ.*, Moscow, Russia (in Russ.).

Heller-Greenman, B. (2002), “Moreau the Younger and the Costume Monument”, *Athanos XX*, 67-75.

Holbach, P.A. (1963), *Sistema prirody, ili O zakonah mira fizicheskogo i mira dukhovnogo* [The System of Nature: Or Laws of the Moral and Physical World] in Holbach, P. A. *Izbrannye proizvedeniya v dvukh tomakh* [Selected essays in two volumes], Vol. 1. Transl. by Yushkevich, P.S., Sotsekgiz Publ., Moscow, Russia, 53-686 (in Russ.).

Kartinki iz zhizni XVIII veka. Rasskazy Retif de-la Bretonna, gravyury Moro-mladshego [Pictures from the life of the 18th century. Stories by Retief de la Bretonne, engravings by the Moreau the Younger] (1913), transl. by Bosse, K., *Izдание Moskovskogo Tovarishchestva*, Moscow, Russia (in Russ.).

Le Temple des Muses, orné de LX, où sont représentés les événemens les plus remarquables de l'antiquité fabuleuse; Dessinés & gravés par B. Picart le Romain, & autres habiles Maitres; et accompagnés d'explications et de remarques, Qui découvrent le vrai sens des Fables, & le fondement qu'elles ont dans l'Histoire [The Temple of the Muses, adorned with LX, where are represented the most remarkable events of fabulous antiquity; Drawn & engraved by B. Picart Romain, & other skillful Masters; and accompanied by explanations and remarks, Which discover the true meaning of the Fables, and the foundation they have in History], (1733), Amsterdam, The Netherlands (in French).

Mareshal, S. (1958), *Slovar' drevnikh i novykh ateistov* [The Dictionary of Ancient and Modern Atheists] in Mareshal, S. Izbrannye ateisticheskie proizvedeniya [Selected atheistic essays], transl. by Sheinman, S.Ya., Izdatel'stvo Akademii nauk USSR, Moscow, Russia, 193-261 (in Russ.).

Monument du costume. Kartiny iz zhizni kontsa XVIII stoletiya [Monument du costume. Pictures from the life of the end of the 18th century] (2020), in Uspenskiy, V. (ed.), Art Volhonka Publ., Moscow, Russia (in Russ.).

Monument du costume physique et moral de la fin du dix-huitième siècle, ou Tableaux de la Vie, Orné de figures dessinées et gravées par M. Moreau le jeune, Dessinateur du Cabinet de S. M. T. C. et par d'autres célèbres Artistes [Monument of the Physical and Moral Costume of the End of the Eighteenth Century, or Tables of Life, Decorated with Figures Drawn and Engraved by M. Moreau the Younger, Draftsman of the Cabinet of S. M. T. C. and by other Celebrated Artists], (1789), Paris, France (in French).

Russo, J.-J. (1981), *Emil', ili O vospitanii* [Emile, or On education] in Russo, J.-J. Pedagogicheskie sochineniya [Pedagogical essays]. Vol. 1. Pedagogika, Moscow, Russia, 19-592 (in Russ.).

Seconde suite d'estampes, pour servir à l'histoire des modes et du costume [The Second suite of prints, to serve in the history of fashions and costume], (1776), Paris, France (in French).

Starobinski, J. (2002), "Mify" i "mifologiya" v XVII – XVIII vekah ["Myths" and "Mythology" in the 17th - 18th Centuries] in Starobinski, J. Poeziya i znanie: Istoriya literatury i kul'tury [Poetry and Knowledge: History of Literature and Culture]. Vol. 1. Transl. by Vasil'eva, E.P., Dubin, B.V., Zenkin, S.N., Mil'china, V.A., Neklyudova, M.S., Smolyarova, T.I. and P.P. Shkarenkov, Yazyki Slavyanskoy Kul'tury Publ., Moscow, Russia, 85-109 (in Russ.).

Suite d'estampes, pour servir à l'histoire des mœurs et du costume [Suite of prints, to serve in the history of manners and costume], (1775), Paris, France (in French).

Tableaux du Temple des Muses: Tirez du Cabinet de Feu Mr. Favereau, Conseiller du Roy en Sa Cour de Aydes, Et Gravez en Tailles-Douces par les Meilleurs Maistres de Son Temps, pour Representer les Vertus Et les Vices, sur les Plus Illustres Fables de l'Antiquité. [Paintings from the Temple of the Muses: Taken from the Cabinet of the Fire Mr. Favereau, Advisor to the King in His Court of Aydes, And Engraven in etchings by the Best Masters of His Time, to Represent the Virtues and Vices, on the Most Illustrious Fables of Antiquity], (1655), Paris, France (in French).

Taylor, Ch. (2017), *Sekulyarnyy vek* [A secular age], transl. by Vasilyev, A., Kolkner, L. and Lukianov, A., BBI Publ., Moscow, Russia (in Russ.).

Voltaire, F. (1988), *Filosofskiy slovar'* [Philosophical Dictionary] in Voltaire. Filosofskie sochineniya [Philosophical Essays], transl. by Sheinman-Topshein, S. Ya., Nauka Publ., Moscow, Russia, 620-716 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для декларации.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Брук Елизавета Григорьевна, научный сотрудник отдела Научного проектирования экспозиции и выставок, Государственный музей истории религии, ул. Почтамтская, д. 14, г. Санкт-Петербург, 190000, Россия; bruk97@list.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Elizaveta G. Bruk, Researcher, Department of Scientific Design of Exhibitions and Expositions, State Museum of the History of Religion, 14 Pochtamtorskaya St., Saint-Petersburg, 190000, Russia; bruk97@list.ru